

18+

Виталий Трандульский
ЧЕРНЫЙ ЛЕОПОЛЬД

Виталий Трандульский Черный Леопольд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69247048

ISBN 9785006003491

Аннотация

Кто бы мог подумать, что деревенский детектив станет так похож на чисто английский? Очерченный круг людей и убийца, похоже, совсем рядом.

Содержание

Виталий Грандульский	5
Чёрный Леопольд	6
Глава первая	7
Он вернулся	7
Глава вторая	11
Глава третья	29
Откуда взялся шрам?	29
***	32
18 Июля. Екатерина Владимировна	32
Глава пятая	35
18 Июля. Инженер Тимофеев	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Черный Леопольд

Виталий Трандульский

© Виталий Трандульский, 2023

ISBN 978-5-0060-0349-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виталий Трандульский

Чёрный Леопольд

Глава первая

Он вернулся

Пётр Сомов осторожно шёл по сухой, хрустящей траве, и судорожно глотал ночной воздух. Огромный мужик, больше косо́й сажени в плечах, с ручищами, словно брёвна, направлялся к амбарам, чтобы проверить, заперто ли всё до утра. Он всегда так делал перед сном и никогда не брал лампы, убежденный, что знает каждый шаг своего подворья, и может найти с первого раза в своём хозяйстве, что угодно. Тучи уже в который раз заволокли небо, и мутное очертание луны слабо пробивалось через мрачную, неприветливую завесу.

Многие в здешних местах и носа бы не высунули из дома в такую леденящую душу пору, но только не Пётр Сомов. Не испорченный суевериями и предрассудками, он спокойно относился к нависающим над головой в корявых узорах веткам, которые с треском покачивались от стонущего ветра. Но всё же и в его непробиваемой душе что-то ёкало.

Сомов, которого напугать мог разве что медведь шатун, расвирепевший до бешенства, вдруг поймал себя на мысли, что им овладевает необъяснимое чувство страха. Капли пота, проступившего на лбу, медленно покатались по грубому,

небритуму лицу, а руки затряслись, словно после тяжелейшего бодуна. В панике он оглянулся на свой дом, и, подумывая, вернуться, на несколько секунд замер на месте. Мгновение спустя он представил, какую неловкость будет испытывать, когда, придя в избу, скажет своим близким, что испугался идти один. Взяв себя в руки и, отвернувшись от дома, Сомов, сделал ещё несколько шагов, и вдруг снова встал, как вкопанный.

Предчувствие, или как он сам выражался, чутьё, его никогда не обманывало, и сейчас, не понимая, что, собственно может случиться с ним, не на войне, не на пустой, разбойничьей дороге, а здесь на собственной усадьбе, трясся как озябший зайчик в лесной чаще. Ему было реально страшно, страшно просто так, не от чего, на ровном месте.

– Перебрал, должно быть. – Успокоил он сам себя, мысленно прикидывая, сколько водки выпил, этим вечером. – Может чёрт с ними с этими амбарами, что с ними станется. Ещё на вилы напорюсь в темноте.

– Как ужасна наступившая ночь. – Словно стихами произнёс бывший матрос, недоучка, и тут же в приступе тошноты и параличе всех мышц, опрокинулся и сел на землю. Длинный, тягучий и жалобный вой собаки с новой энергией наполнил ночь нарастающим кошмаром.

Пётр Сомов, не решавшись подняться всё же храбрился и пересилив дрожание в голосе, чётко произнёс. – Это же моя собака воеет! Ну, конечно же, это Верный! Жаль, что

он сейчас на цепи, и на заднем дворе, рядом с ягнятником. И как я его спустить позабыл!? Нет, надо определённо меньше пить, уже не мальчик, водку чайными стаканами трескать. Однако почему пёс так воет? Последний раз он так выл, когда мне бревном на вырубке ногу передавило, а теперь-то чего вдруг?

Сомов встал на ноги и, отряхнувшись, направился к дому, но через секунду шорох за его спиной, как ураган, развернул его снова лицом к тропинке до амбаров. На мгновение оголившаяся луна, слабо осветила палисадник и перед Петром мелькнула чья-то тень, напугав Сомова так, словно сама смерть стояла секунду назад перед его глазами и улыбалась ему.

Пётр Матвеевич, громадный мужик, почти Геркулес, застывший на месте, таращил глаза в ночную темень и не мог даже крикнуть. Прислушиваясь к звукам ночи, и сумев отделить их от воя собаки и стука сердца, которое едва не выпрыгивало из груди, он вдруг отчётливо уловил, что вокруг него кто-то ходит, и тяжело вздыхает.

– Кто здесь!?! – Буквально выдавил из себя Сомов.

Бывший моряк уже был готов позвать на помощь, и зарорать так, что переполошил бы всех соседей, но ужас, который уже держал его за горло, снова остановил его.

– Это яааааа, помнишь? – Послышалось шёпотом, подобно вздохам ожившего мертвеца из холодной могилы. – Это я, Умбра Дагон. Я вернулся, я не простил тебя, я пришёл

за тобой. – Шёпот становился напевнее. – Через семь дней я заберу тебя в преисподнюю, где ты обретёшь вечные муки. И каждый день ты всё сильнее будишь жалеть, что ещё дышишь, на этом свете.

Ночной голос начал смешиваться с едва уловимым смехом. Вся жуть ада раскрылась в тот миг перед поражённым в самую душу Петром. Последнее что он увидел этой ночью, был громадный чёрный кот, который почему-то выделился в кромешной тьме. Кот стоял шагах в пяти, шести от Сомова и дырявил его насквозь жёлтыми глазами. Снова раздался ужасный смех, когда от невыносимой боли в глазах, и всего кошмара, что приключился, Петр потерял сознание и с грохотом рухнул на землю. Вой собаки, подхваченный соседскими псами, смешался с гулом разгулявшегося ветра, и заставил замереть сердца всех, кто это слышал. Над деревней нависла полночь. В деревню пришло что-то очень плохое.

Глава вторая

Восемнадцатое июля.

Предыдущим днём.

Тёплый, летний день в деревне Лопухово, выдался, как говорили местные жители, на славу. Облака, клубившиеся над полями, рекой и деревней ещё утром улетучились. Ярко-жёлтый диск солнца, забравшись на то место, где ему и положено было быть, к полудню по-доброму ласково гладил землю лучами. Скот, лениво прогуливаясь по пастбищам, набирался сил и, мыча от удовольствия, отгонял от себя мух и пчёл.

Ничего не выдавало незаурядности этого дня, однако восемнадцатое июля в Лопухово был особенным днём. Деревенские ребятишки уже с утра бегали по дворам, кто с сахарным петушком, кто с тульским пряником, а кто и с конфеткой. Женщины одевали свои самые красивые сарафаны, а мужики, приглаживая усы и бороды, в нетерпении предвкушали хмельную трапезу, уготовленную им на сегодня.

Причиной такого необычного веселья в деревне, уже лет двадцать, был Пётр Матвеевич Сомов, крестьянин по происхождению, бывший матрос балтийского флота, а ныне благодетель и самый богатый человек в округе. Всегда такой занятой и сосредоточенный, сегодня он намеревался только отдыхать, набивать свой живот и пить водку. Пить и поить

буквально всю деревню. Сегодня к Петру Матвеевичу можно было идти с любой просьбой, будь то наём на работы, кобыла на пару дней или деньги в долг, Сомов никому не отказывал. Сегодня все в Лопухово, становились ему родными и близкими. Может, так было от количества выпитого, а может от широты души бывшего матроса, но праздник, так или иначе, касался в деревне каждого. Упаси бог, было сторониться торжества и провести этот день как самый обыкновенный и не особенный. На такого человека Сомов осерчал бы лютой обидой. Но таких случаев никогда не происходило. Мужики всегда были рады выпить на халяву, а их хозяйки, понимая всю важность приятельских отношений с Сомовым, не противились попойкам и давно уже к ним привыкли.

Пётр Матвеевич прохаживался по своему подворью, пока в избе его домочадцы сутились, накрывая стол. Он гордо осматривал своё хозяйство, которому в Лопухово завидовали все и каждый. Дойные коровы, свиньи, жеребцы, овцы, куры, давали ему хороший доход, но главной его гордостью было поле, которое он выкупил у разорившегося помещика, и на котором из года в год собирал урожай ржи. Смотря вдаль, он любовался, как из-под земли пробились уже зазеленевшие колосья, и испытывал невообразимую гордость, когда вспоминал, как запросто он разговаривал с управляющим винокуренного завода, который обязался покупать у него рожь, сколько бы мешков её не вышло.

Вдоволь нагуляв аппетит и раздав местным ребятишкам

ещё с десяток сахарных петушков, Пётр наконец-то услышал, как в избе заканчиваются последние приготовления. Распахнув ситцевые занавески, в окне показалась его жена, Екатерина Владимировна, которая ласково позвала хозяйна. – Пётр Матвеевич, всё готово, как ты любишь, иди, все только тебя ждут.

Сомов широко улыбнулся хозяйке и вальяжным шагом направился к дому. Свою жену он просто обожал и очень гордился ей. Будучи по происхождению из благородного семейства, она имела приличное воспитание и образование, свободно разговаривала по-французски, много читала и играла на фортепиано, которого в деревне, к сожалению, не было. Судьба свела её с Петром Сомовым, когда её первый муж, капитан Спириин, был отправлен на каторгу за двойное убийство во время пьяной поножовщины в дешёвом трактире. Оставшись без содержания и с годовалым ребёнком на руках, она и встретила Сомова, который с детства мечтал породниться с благородным семейством. Так Екатерина Владимировна вышла замуж второй раз. Постепенно привыкла к деревенской жизни, и, наверное даже, где-то в глубине души, привязалась к своему новому мужу. Так и прошло двадцать лет их незабвенного семейного счастья.

Громадный дубовый стол буквально ломился от изобилия разносолов. Восемнадцатого июля в доме закатывался настоящий пир. Домашние соленья, будь то огурцы, грибы или ка-

пуста, искусно соседствовали с копчёными карасями, жареными курами, салом, пирогами и, конечно, водкой, которая запасалась ещё за несколько месяцев. С белой головкой, подороже, для друзей и близких. С чёрной головкой, подешевле, остальным мужикам в деревне.

Шумный кутёж продолжался уже второй час. Время от времени в избу заглядывали соседи или знакомые, которые ещё не успели получить бутыль с горячительным. Они говорили несколько тёплых слов, поздравляли хозяина, кланялись Екатерине Владимировне, и не желая быть назойливыми, закусывали на скорую руку и прихватив бутыль, удалялись. И вот, наконец, когда деревенское паломничество прекратилось, Пётр сел во главе стола, и в который раз, начал рассказывать, почему ему так дорог этот день, восемнадцатое июля.

Помимо Сомова, за столом сидела жена Екатерина Владимировна, её взрослый сын от первого брака Михаил, и её второй сын Василий, который родился у Петра и Екатерины Владимировны, аккуратно через год после их свадьбы. На углу приютился двоюродный брат Сомова, Никита. Бестолковый мужик, которого мало интересовало хозяйство, а больше прельщало кутить и распутничать. Не был бы он роднёй, Пётр Матвеевич, давно выгнал бы его в три шеи, но терпел, потому что чувствовал за него ответственность.

Слева расположились супруги Храповы. Мирон и Мария, работяги, которые начинали с Сомовым общим хозяйством,

пока тот не разбогател. Справа молодой человек, лет двадцати пяти. Зелёный инженер, Александр Тимофеев, который жил в доме Сомовых и к осени должен был возглавить работы по постройке Мельницы, или как нравилось называть Петру, мельницкого комплекса. Последней из пирующих была, семилетняя дочка Сомова, Дуняша. Белокурая, глазастая девчонка, которая сидела на коленях своего отца, во главе стола, и получала от него самые лакомые и нежные кусочки кушанья.

Все присутствующие настроились в очередной раз послушать историю, которую приготовил для них виновник торжества, успевший уже изрядно набраться, но не перестававший пить водку, исключительно из чайного стакана, наполняемого каждый раз, чуть ли не до краёв. Кто-то за столом относился к этой истории как к экзекуции, кто-то как к потехе, и, пожалуй, только маленькая Дуняша, слушала рассказ отца с неподдельным восторгом и интересом. В любом случае все знали, что хозяин сегодня допьётся до поросячьего визгу, на следующий день пролежит пластом, на третий отпъётся огуречным рассолом и отстанет от всех, со своими историями на целый год.

– Так вот, дорогие мои! – Начал он, перекрестившись, и посмотрев на маленькую икону, расположившуюся в углу комнаты. – Знаете ли вы, что не всегда у меня было все-то, что мы сейчас имеем. Не всегда хрюкали в свинарниках у меня поросята. Не всегда нанимал я работников в покос или

уборочную. Не всегда мог позволить себе такой праздник.

Будучи по натуре человеком крутого нрава, Сомов слыл настоящим матерщинником и мог в другой день обложить любого мужика такой бранью, что краска на стенах сворачивалась, но именно сегодня, в присутствии жены и детей, тщательно следил за речью, и даже в хмельном угаре не позволял себе ни разу матюгнуться.

– Двадцать два года назад, я был матросом на флоте его императорского величества. И не было у меня ни дома, ни жены, ни хозяйства. А были у меня только наряды, взыскания и зуботычины. Не легка матросская доля, хотя я, конечно, не жаловался. Довелось мне повидать и заморские земли, и бескрайние океаны, людей, чья кожа черная как сковородка, и животных ловких, как акробаты в цирке.

– Так вот, корабль наш, носивший имя императора Александра Павловича Благословенного, только что вернулся из похода с острова Мадера, что в Атлантическом океане. И тут на тебе, новое задание. А дело всё в том, что пока мы за тридевять земель ходили, осерчал наш государь император на людей вольных, которые на просторах морей русских бесчинства творили.

– На пиратов осерчал? – С затаённым восторгом, переспросила Сомова маленькая Дуняша.

– Да по-разному называли отчаюг этих. – Уставившись в одну точку, ответил ей уже изрядно набравшийся отец. – Пиратами, корсарами, наш брат матрос их ещё со времён

Петра великого называл ушкуйниками. Да, когда-то и с такими людьми дело иметь приходилось. Занимались они в старину и навигацией, и картографией, торговлей даже промышляли, ну и когда за границами нашими северными присмотреть могли. Грабежей да набегов за такими головорезами немерено было, да только всё прощалось им, поскольку сложно было без таких людей, по первой, морское дело осваивать. Ну а когда на престол сел Александр Николаевич, нынешний император, дай ему бог здоровья, тут уж терпение у всех кончилось. Может слишком распоясались людишки лихие, может без них нам обходится сподручней стало, а скорей всего дело в самом императоре было, уж больно он любил всё новое попробовать. – Сомов говорил так, словно сам лично знал государя императора, и за столом это всех страшно раздражало, но рассказчика было уже не унять.

– Эх, сколько в ту пору и доставалось этим ушкуйникам. Кто за границу ели ноги унёс, кто на каторгу угодил, а кто и рыб на дне морском кормит. Были и такие кому прощенье вышло. Тем, кто перед властью и Россией не шибко провиниться успел.

Очередной стакан с водкой, опрокинулся в бездонную глотку Сомова. Его язык уже заплетался, а сам он, держась обеими руками за стол, едва улавливал равновесие, чтобы не упасть. Дуняша тихонечко пересела к матери, а Михаил и Василий, переглянувшись друг с другом, улыбнулись, полагая, что скоро отец уснёт прямо за столом, и можно будит

отправиться по своим делам.

Но история подходила только к самому интересному. – К середине лета! – Набрав полную грудь воздуха, рассказчик продолжил. – Русские флотоводцы разделались уже практически со всеми кораблями, на которых плавали ушкуйники. – Сомов стал терять мысль, делая паузы, чтобы собраться и отдышаться. Лицо его было похоже на помидор, да и сам он напоминал отставного чиновника, угодившего в дом для душевно больных.

– Было среди пиратских кораблей, одно судно, которое никому из наших капитанов не удавалось поймать. – Глаза у Петра загорелись, и вероятно открылось второе дыхание. – Назывался этот корабль «Чёрный Леопольд». Справное судно, большое, быстрое, и пушек по каждому борту десятка по два, точно. Командиром на этом Леопольде, был не кто иной, как знаменитый голландский разбойник Гирд Вальдман, по прозвищу Умбра Дагон, что означает морской дьявол из темноты.

В рассказ вмешалась Екатерина Владимировна. – Пётр Матвеевич, уж прекращал бы ты сочинять, окаянный. В прошлый раз ты говорил, что пирата звали просто Дагон, а теперь приплёл ещё какого-то Умбра. Это же я несколько дней назад, книгу в слух читала, про мифы древней Греции, а ты услышал. Вот откуда ты это слово взял, а теперь выдумываешь.

Пётр ничего не ответил, и только оглядев весь стол, заме-

тил, что Александр Тимофеев, куда-то делся. – А где инженер?

Екатерина Владимировна, у которой на остаток дня были тоже дела поинтересней, резко обрубилa. – Я попросила его собаку привязать, разлаялся он что-то. Досказывай уже свою историю, и ложись спать, ведь опять завтра помирать будешь!

Немного раздражённо взглянув на супругу, Пётр уже было обиделся, но тут за стол вернулся Тимофеев и, извинившись, снова приготовился внимательно слушать морские небылицы. Сомову это было очень приятно, и, забыв про укол от супруги, он продолжил. – Гонялись мы за этим Леопольдом целый год, всей эскадрой его ловили. И в Ирбенском проливе, и у мыса Гангут, но, сколько он, подлец от нас не скрывался, а всё одно попался, и где бы вы думали?

Сомов намеренно вставлял в свой рассказ названия мысов и проливов, полагая, что поражает всех своими знаниями. Выдержав небольшую паузу, он многозначительно произнёс. – У острова Гренгам! К шведам податься душегуб хотел, наверное, но от нас не уйдёшь.

– И вот стоит наш «Александр Благословенный», а против него Леопольд этот, чёрт бы его побрал, чёрный. Нервы на пределе, пушки наготове, а на море штиль абсолютный, плохая примета, перед боем. А к нам на судно, неделей ранее сам вице адмирал, Брильд Николай Леонардович, прибыл, чтобы лично у последнего пирата шпагу принять, в случае

добровольной сдачи. Легендарный Брильд, герой Севастополя и Карса, кавалер Георгия второй степени, и близкий друг генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Хоть и страшно нам было с таким матёрым разбойником, как Вальдман тягаться, а только в грязь лицом перед адмиралом мы ударить тоже никак не могли. Оба корабля словно замерли. И с места не тронутся и бой не начинают, ждут чего-то, а чего только богу одному известно. День ждём, два ждём, и вот наступает восемнадцатое июля, и аккурат в семь утра, поднимается на «Чёрном Леопольде» белый флаг. Наш вперёд смотрящий сначала даже глазам своим не поверил, а потом как заорёт. – Белый флаг, сдаются, белый флаг. – Дал команде его Высокопревосходительство приказ подходить вплотную, а сам в шлюпку с абордажным десантом сел и отправился шпагу у пирата принимать. Сам он значит, заместитель его, шкипер, пара мичманов, и нас, матросов, десятка полтора. Попал и я в эту компанию, здоровый я был, крепкий.

– Как ступили мы, значит, на палубу корабля этого проклятого, так я сразу понял, не так здесь что-то. Лица у всех пиратов злые, одичавшие, не дать не взять, зверьё бешеное. А капитан ихний, вылитый дьявол морской. Высоченный, кривой какой-то, шрам на щеке, а на плече кот у него чёрный сидит, здоровенный, как собака. Подумал я тогда, зачем таким сдаваться, всё одно повесить их всех, по морскому регламенту, полагается. Смотрю, и товарищи мои тоже по сторонам озираются, а ушкуйники уже и обступили

нас и вроде как за саблями тянуться. Вице адмирал тогда говорит, этому Вальдману. – Вашу шпагу сударь! – А сам-то уж тоже недоброе почувствовал. Поверить мы все тогда не могли, что пираты настолько честью и совестью поступились, что даже закон белого флага соблюдать отказываются, ловушку для нас приготовили, чтобы жизни свои подороже продать.

Сомов, который не отличался изысканным красноречием и богатой диалектикой, тем не менее, рассказывал довольно увлекательно. Если бы эта история не излагалась в семье из года в год, и не надоела большинству слушателей, можно было бы подумать, что Пётр Матвеевич исключительно образованный человек.

Но, к сожалению, в повседневной жизни это было не так. Писал и читал Сомов, через пень колоду, а свою историю рассказывал интересно, только от того что за все эти годы выучил её буквально наизусть, многократно репетировал, и подобрал в ней почти что каждое предложение.

– Вальдман оглядел всех нас с дьявольским прищуром и оскалился, как загнанный волк. В глубине души мы всё ещё надеялись, что ушкуйники сейчас сдадутся, но мичман Гришка Медников, царствие ему небесное, сообразив, что сейчас произойдёт, рванул из-за пазухи сигнальную ракету. Один из пиратов бросился на Гришку и ударил его прямо в грудь стилетом, но к счастью для нас опоздал на пол секунды. Гришка, светлая ему память, рухнул замертво,

но и сигнальная ракета уже взмыла в воздух. Тревога! Тревога, заорали с нашего судна, и abordажные крючья вонзились в борт пиратского корабля. Воздух сотрясли оружейные и пистолетные выстрелы, к нам спешили на помощь, но пока мы оставались одни против всей команды пиратов.

– Матросы, особенно те, которые из морского десанта, весьма искусны в штыковой схватке, но, когда на тебя сразу прёт пять, шесть человек, у любого, даже самого умелого моряка, практически нет шансов. Шкипер и капитан, конечно, сразу заслонили собой его высокопревосходительство, а мы, простые служаки, схватились с душегубами. Один из наших даже успел выстрелить, пока вся куча не навалилась. Помню, дал я одному прикладом, второму штыком, да только много их. Я отступаю, винтовкой отмахиваюсь, а помощи всё нет и нет. Две минуты прошло или все десять, трудно сказать, а только удалось мне краем глаза засечь, что его превосходительство один остался. Шкипер наш и капитал, все буквально окровавленные, ничком лежат, места живого нет, а адмирала к мачтам прижали. Наверное, и его бы изрубили всего, да только Вальдман сам хотел с ним поквитаться. Как мне удалось тогда к грот-мачте пробиться, ума не приложу, да только подоспел я в самое время. У высокопревосходительства рука была ранена, не мог он саблю свою поднять, чтобы защищаться, а Вальдман замахнулся на него палашом пиратским, ещё миг и рубанул бы. Что тогда в душе моей творилось, уму непостижимо. Вот он, думаю, самый важный

миг в моей жизни. Ворвался я между его высокопревосходительством и Вальдманом и как садану пирата штыком прямо в живот, а он меня в ту же секунду рукоятью, в лоб, наотмашь. Болтануло меня тогда, но на ногах устоял всё-таки. Кровища хлещет, все орут, стреляют, глаза то ли пеленой, то ли дымом заволокло, одним словом, ужас какой-то творится, ад кромешный.

– Посмотрел я на палубу, вижу, Вальдман мёртвый валяется, достал я его всё-таки, а котяра его, который всё это время на плече у него сидел, как бросится на меня, да в морду вцепился. Отродясь не верил я в нечистую силу, да тут и меня до печёнок, от ужаса тряхануло, просто не котяра, а чёрт какой-то. Чёрный как уголь, а глаза жёлтые, прямо насквозь дырявят. Шипит словно змея, мерзость блохастая, мрак, просто мрак!

Сомов завис в размышлениях и, умолкнув начал наливать себе очередной стакан водки. Маленькая Дуняша, в нетерпении стукнула кулачком по столу. – Папа, что было дальше. – Чуть не плача пропищала она.

– Дурак старый. – Вмешалась Екатерина Владимировна. – Опять ребёнка запугал, полночи теперь не уснёт из-за историй твоих.

Пётр Матвеевич, который с большим трепетом относился к дочери, даже ненадолго протрезвел, отставил стакан и присел ближе к Дуняше. – Что ты солнышко, всё хорошо закончилось. Вот же я он, перед тобой сижу, значит, выпутался,

живой остался, победил всех.

– А его высокопревосходительство? – Уже всхлипывая, спросила Дуняша.

– И он тоже уцелел. Ранен был в плечо, а в остальном всё хорошо.

– А котяра страшный? – Не унимался ребёнок.

– Отодрал я его от себя, и за борт швырнул, сволочь такую.

Незаметно для всех присутствующих за столом, солнце понемногу пошло на закат, погода спорилась. Поднялся ветер и кучевые тучи, лениво и уродливо вылезли на линию горизонта.

Екатерина Владимировна обняла дочь покрепче и одной своей улыбкой сразу успокоила ребёнка. – Милая, пойдём спать, уже поздно.

– Нет! – Пискнула Дуня, папа ещё письмо не читал.

Екатерина Владимировна строго посмотрела на мужа и сама, наливая ему водки в стакан, со всей снисходительностью, на которую только была способна, в тот момент, настоятельно произнесла. – Досказывай уже побыстрее, ребёнку спать пора. Только без своей чертовщины.

Сомов, который души не чаял в своей дочери, расплылся в улыбке и, предусмотрительно осушив стакан только на половину, продолжил рассказ торопливо и с менее пугающей интонацией.

– Не стану вдаваться в подробности, сколько нам ещё пришлось отмахиваться от пиратов. Признаться, я и сам плохо

помню, больше двадцати лет прошло, да только выстояли мы тем утром. Пробились к нам на выручку комендоры с «Благословенного Александра» и наша потихоньку брать начала. Разоружили мы уцелевших ушкуйников, связали и в Кронштадтскую крепость отправили. А сами, в честь такой славленной победы, пировали на «Благословенном» двое суток, такая нашей команде милость была от его высокопревосходительства.

– Не остался вице-адмирал в долгу и передо мной лично. Помню, подходит ко мне, перед тем как в Петербург отбыть собирался. Ты, говорит, Сомов, мне жизнь спас, я таких людей не забываю. Прими от меня братец, ассигнации на добрую память, и тебе на жизнь достойную. И протягивает толстенную пачку царских Катенек.

– Через год, говорит мне его высокопревосходительство, разрешаю уйти тебе в отставку, и начинай новую жизнь, всё у тебя теперь есть для этого. Даже расцеловал меня на прощанье.

– Вот, дорогие мои, ушёл я с флота через год, и поселился в Лопухово. Всегда, признаться, мечтал таким хозяйством обзавестись. Вот с милости его высокопревосходительства и поселился в пятидесяти верстах от столицы нашей. Дом купил, двор обустроил и начал с соседом своим Мироном Лукичом, на двоих мастерскую строить по выделке кожи. – Сомов перегнулся через стол и похлопал Мирона Храпова, по плечу. – Да, мы тогда с соседом моим дорогим мечтали

кожемяками стать. И вот какой флигель отгрохали! – Рассмеялся Пётр. – На двух дворах ели помещается. Хотели уже в долг станок один приобрести, но тут ещё одно событие происходит. Приезжает ко мне урядник из города и привозит письмо, и от кого бы вы думали? – Выждав паузу Сомов продолжил. – От самого Николая Леонардовича Брильда.

– Я тогда глазам своим не поверил, когда имперскую печать на конверте увидел, а как письмо прочёл и вовсе чуть чувств не лишился.

Сомов прошёл до резного секретера, стоящего в углу комнаты и бережно достал из общих закладных и расписок, конверт с гербами и марками. Извлёк из него письмо вице-адмирала, и, присев на край лавки, начал читать.

– *Здравствуй Сомов.*

– *Надеюсь милостью моей судьба благосклонна к тебе, и те средства, что я тебе подарил, применились тобой с умом и смыслом. Распорядился ты ими верно, а не просадил всё в кабаках и борделях. Но не для нравоучений прислал тебе я это письмо, а вот для чего.*

– *Недуги и болезни одолевают меня, то ли в силу моего преклонного возраста, то ли из-за того, что всю свою жизнь не щадил я живота во благо царя и отечества, да только чувствую, братец, немного жить мне осталось.*

– *А по сему, хочу в наследство я и тебе кое-что оставить. Приезжай, Сомов, ровно через год по адресу, который указан на конверте в мой столичный дом. Приказчику будут*

даны относительно твоей персоны распоряжения, а меня, наверное, уже в живых не будит.

– На этом позволь проститься с тобой и поблагодарить ещё раз за то, что спас меня тогда, при Гренгаме. Приезжай обязательно, наследством не обижу.

– Всегда благосклонный к тебе Н. Л. Брильд.

После прочтения письма, Сомов ещё с полчаса показывал всем за столом печати и марки на конверте, убеждая всех что письмо пришло из самого Санкт Петербурга. Очень детально описывал урядника, который доставил конверт, хотя на самом деле совершенно не помнил, как тот выглядел. И вот, наконец, выбившись из последних сил от чрезмерного употребления спиртного, также бережно убрал письмо, и плюхнулся обратно за стол, уже совершенно размякший и потерянный. Теперь ему было всё равно кто его слушает, а кто удалился, радуясь, что, наконец, всё закончилось. Смысл был понятен всем. Сомов разбогател ровно через год, и, благодаря щедрой руке вице-адмирала Брильда, стал известен всей округе и даже за её пределами.

Екатерина Владимировна увела Дуняшу в свою комнату, чтобы почитать ей перед сном. Михаил улизнул следом, по ночным делам, которые в его горячем возрасте случались с ним, в последнее время, всё чаще и чаще. Вася для приличия, посидел ещё какое-то время с гостями, и только когда супруги Храповы отправились домой, спросил у отца разрешения уйти, и чуть ли ни вприпрыжку помчался на чердак,

где проводил почти всё свободное время. Его ждали книги.

Пьянствовать за столом оставались только трое. Сам Со-мов, который ещё долго мог рассказывать одно и то же. Его брат Никита, уже совсем пьяный, мирно дремал уткнувшись лбом в стол. Инженер Тимофеев, до смерти боявшийся своего работодателя, оставался рядом. Он был готов слушать Со-мова хоть всю ночь, лишь бы тот не сердился.

Стол по-прежнему ломился от водки и закуски, хотя ни есть, ни пить, ни у кого уже не было настроения. За окном портилась погода. Солнце уже почти закатилось за багряные верхушки сосен, красовавшиеся в дали. Праздник заканчивался, кто-то очень злой и коварный подумал в ту минуту. – Пора!

Глава третья

Откуда взялся шрам?

Сомова нашли ночью. Он лежал без сознания недалеко от амбаров. Лицо его было в крови, но тихий и хриплый стон убедил всех, что он живой и просто без сил свалился в хмельном угаре посреди двора. Вася и инженер Тимофеев, притащили его в дом и только на свету увидев, ужаснулись, как сильно изуродовано у него лицо. Огромная, глубокая рана, начинающаяся чуть левее глаза, шла через всю щёку и заканчивалась у самого подбородка. Екатерина Владимировна, прикладывая к лицу Петра марлю, зажимала кровавый разрыв, пытаясь остановить кровь, а Вася пулей вылетел из дома, на ходу крикнув. – Я в уезд за лекарем.

Дом Сомовых стоял на ухах. Хозяйка, плохо понимающая во врачебном деле и вообще боявшаяся крови, всё же, как-то забинтовала щёку мужа, и вся перепачканная успокаивала проснувшуюся Дуняшу. За окном сверкнула молния, ударил гром и начался сильный ливень. На полу, бодая стол, мычал пьяный Никита, который даже не понимал, что происходит.

Инженер Тимофеев побежал на улицу за Василием, чтобы сказать ему, что в ночь при сильном ливне слишком опас-

но ехать верхом до уезда, но было уже поздно, Вася ускакал и Тимофеев вернулся ни с чем.

На Екатерине Владимировне не было лица. Её руки дрожали, на лбу выступила испарина, голос срывался. Держа на руках дочь, она металась по комнате, от окна, в надежде увидеть, что Вася вернулся, до кушетки на которой лежал раненный Сомов. Тимофеев помогал, как мог, но будучи натурой впечатлительной он только и способен был на то чтобы приговаривать хозяйке. – Всё будет хорошо, Екатерина Владимировна, всё будет хорошо. – На переполох прибежал сосед Храпов, а буквально следом, после ночных походов, до нитки промокший, Михаил. Хозяина начало колотить в горячке и Храпов с Михаилом отнесли его на второй этаж, где было теплее. Через три часа вернулся Вася, а с ним на бричке доктор из уезда.

Мать обняла сына и немного успокоилась. Доктор осмотрел пациента и, сделав перевязку, поставил укол.

– Всё в порядке Екатерина Владимировна. – Обратился он к хозяйке. – Рана глубокая, но уже не опасная, я промыл ее, чтобы исключить заражения крови. Вы молодец, не наложи вы ему повязку так искусно, Пётр Матвеевич мог бы умереть от потери крови.

Дождь понемногу стал утихать, и доктор, пообещав, что заглянет завтра, довольный, что оказался полезен в такую опасную минуту, начал собираться домой. Ни сказав хозяйке ни слова о своём гонораре, он намеревался, рассчитаться

с самим Сомовым, когда тот придёт в себя, а посему отклялся и уехал.

В доме все тоже начали успокаиваться. Екатерина Владимировна ушла укладывать дочь и тоже осталась в детской. Василий и Миша улеглись в снях, Тимофеев ушёл в свою комнату и только Никита, всеми покинутый, так и валялся на полу под обеденным столом.

Глава четвёртая

18 Июля. Екатерина Владимировна

– Посмотрел я на палубу, вижу, Вальдман мёртвый валяется!

– На этот раз его история ещё более несносна. – Размышляла про себя Екатерина Владимировна. – В прошлом году он был более сдержан, хотя тогда я тоже, кажется, еле досидела до конца. Какое счастье, что завтра я уеду Людмиле Львовне в Петербург и не буду видеть этой похмельной физиономии. Миша и Васенька прекрасно позаботятся о бутылке, да и этот лизоблюд Тимофеев весь день вокруг него скакать будет. Я заслужила несколько дней в столице. Похожу по улочкам, на которых росла, вспомню детство и молодость.

Забыв на минуту о Сомове, она вспомнила своего первого мужа, с которым их разлучил несчастный случай более двадцати лет назад.

Статный, бравый капитан по фамилии Спирин был ей по сердцу гораздо больше, нежели неотёсанный мужик, который сидел сейчас рядом. Но судьба распорядилась по-сво-

ему. День рождения командира гарнизона, на который был приглашён в трактир капитан Спирин, закончилась пьяной дракой, где он, имевший горячий нрав, отличился одним из первых. Драка закончилась убийством какого-то младшего офицера, конечно, по неосторожности. Случай возымел широкую огласку, и военный министр тогда настоял на очень суровых приговорах виновникам, чтобы впредь другим было неповадно. Оставшись с маленьким Мишей, Екатерина Владимировна проживала у своей подруги Людмилы Львовны, которая держала захудалую гостиницу. Там-то ей и встретился бывший матрос Сомов, прибывший в столицу за наследством, оставленным на его долю вице-адмиралом Брильдом. Влюбившись с первого взгляда, Пётр уже через неделю сделал предложение молодой матери и, уладив все формальности, увёз её и Мишу в Лопухово, где и собирался стать самым зажиточным и знаменитым. Так, собственно, и вышло, но мысли о дорогом сердцу Кати капитане навещали её и будоражили, даже сильнее, чем в молодости. Миша, которого бы Екатерина Владимировна, безусловно, называла Мишель, если бы жила в Петербурге, воспитывался в доме Сомова как родной и нужды в тепле и ласке не знал, хотя с самого начала был в курсе что он не родной сын Петру Матвеевичу.

– Ах, если бы я тогда не пустила моего капитана на день рождения в тот проклятый трактир! Как бы, должно быть, интересно сложилась моя жизнь в Петербурге, – Наматывая

русый локон на палец, подумала Екатерина Владимировна, когда Сомов перешёл к той части рассказа, где вся команда пьянствовала двое суток, в честь победы над ушкуйниками.

– Но, увы, увы, моя милая! – Мысленно обращалась она к самой себе. – Прошлое изменить невозможно. Невозможно, как бы этого не хотелось. Изменить можно только будущее. – Подвела вердикт расфантазившаяся женщина и, поймав себя на неожиданной мысли, посмотрела на мужа.

Если бы Сомов не притягивал к себе всё внимание за столом, многие бы нашли во взгляде хозяйки что-то необычное. Взгляд был хитрым, лукавым, наверное, даже коварным. Только маленькая Дуняша, не узнав мамы в тот момент, вздрогнула от страха.

– Всё хорошо, солнышко. – Сказала мать своей маленькой дочурке и поцеловала её в лоб. – Всё хорошо.

Глава пятая

18 Июля. Инженер Тимофеев

– Посмотрел я на палубу, вижу, Вальдман мёртвый валяется!

Инженер Тимофеев немного придвинул лавку и подсел к Сомову ближе. Всем своим видом он давал понять хозяину дома и окружающим, что полностью увлечён событиями, о которых сейчас рассказывал Пётр Матвеевич. Инженер расстегивал ворот рубашки, хватался за сердце, вытирал со лба пот, качал головой, чтобы не дай бог кто не заметил, что он поражён всей героичностью и невероятностью этой истории.

На самом деле ему было глубоко плевать на ушкуйников и матросов. Будучи по натуре льстецом и притворщиком, подобным образом он всегда заводил себе покровителей, но сейчас, во время попойки, очевидно, захмелел и явно фальшивил. За столом многие это почувствовали, кроме, разумеется, Сомова, и с отвращением смотря на инженера только и ждали, когда же кончится этот день.

Появившись несколько месяцем назад в Лопухово, Тимофеев как-то сразу втёрся в доверие к Сомову, и даже не имея никаких рекомендательных писем, произвёл о себе впечат-

ление и, наобещав Петру Матвеевичу с три короба, поселился у него в доме.

Обязуясь построить для хозяина мукомольный комплекс по последнему слову техники, Тимофеев лишь отдалённо представлял, как это сделать. Имея не законченное институтское образование, которое он профукал из-за систематических прогулов, позволяло ему только начать работы. Впоследствии, через пару недель, всем, безусловно, стало бы ясно, что инженер Тимофеев липовый. По этой причине инженер Александр, как его называла Екатерина Владимировна, всячески оттягивал начало стройки, ссылаясь на не очень вразумительные причины. Имея природное чутьё на неприятности, он чуть ли не в первый раз в жизни, не знал, как ему поступить. Повиниться при удобном случае Сомову, был не вариант. Изучив характер хозяина, Александр понимал, что в этом случае он окажется либо в полицейском участке, и это в лучшем случае, либо на том свете. Бежать, не имея и гроша в кармане, представлялось тоже затруднительным, тем более что в Петербурге его уже искали за долги и мошенничество.

– Ишь уставились! – Проговорил про себя липовый инженер, почувствовав косые взгляды. – Всё теперь Сомову расскажут, проныры. Он и так уже настаивал начинать работы послезавтра. Представляю, что с ним сотворится, когда он поймёт, что его деньги тратятся впустую.

– Что же делать, как же поступить? – заёрзал горе инже-

нер на лавке. – Вот бы этот старый дурак до чертей допился и в больницу попал, или ещё лучше умер, от цирроза печени, скажем. Тогда бы можно было сказать хозяйке, что без Петра Матвеевича строить комплекс не имеет смысла, и, потребовав с неё неустойку, рвануть дальше, уже не с пустыми карманами.

– Но нет пустое. Какой цирроз!? Пьёт он раз в год, на нервы не жалуется и вообще, здоров как бык, и меня ещё переживёт.

– Смотри, какой конверт красивый, перебил мысли инженера Сомов, суя ему под нос, пожелтевший от времени конверт, на котором синими буквами было выбито, Санкт Петербург.

– Провались ты! – Подумал Тимофеев и в ту же секунду улыбнулся и принялся рассматривать конверт.

Когда Сомов пошёл отнести письмо в секретер, инженер смотрел ему в спину с особым коварством. Бесы в его голове разыгрались не на шутку. – Ничего Пётр Матвеевич, мы ещё на многое способны, дай срок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.